

УДК 314.6

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-2

Исследовательская статья

Леденева В. Ю.

Региональная инфраструктура в формировании адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов

Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
улица Фотиевой, дом 6/1, Москва, 119333, Россия
vy.ledeneva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается региональная инфраструктура как фактор формирования адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов. Обосновывается необходимость перехода от анализа миграции преимущественно на уровне федерального регулирования и индивидуальных адаптационных траекторий к исследованию региональной среды как условия адаптационного и демографического поведения мигрантов. Показано, что региональная инфраструктура является не только комплексом социальных объектов, но и доступными для мигрантов ресурсами, институтами и сервисами их повседневного пребывания и взаимодействия с принимающим обществом. Автор предлагает рассматривать региональную инфраструктуру как совокупность жилищных, медицинских, образовательных, административно-сервисных, цифровых, информационных и транспортно-территориальных условий. Цель статьи – раскрыть региональную инфраструктуру как социологическую категорию анализа адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов и обосновать подход к ее операционализации, разработать интегральную модель региональной инфраструктуры. В предложенном теоретико-методологическом подходе проанализировано, каким образом доступность жилья, медицинской помощи, образования, административных услуг, цифровой информации и территориальной мобильности, а также правовой статус мигранта влияют на семейные и репродуктивные решения мигрантов, установки на оседлость, интеграцию или сегрегацию. Сделан вывод о необходимости использования инфраструктурного подхода при разработке региональных механизмов миграционной политики и оценки адаптационного потенциала субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: международная миграция; региональная инфраструктура; адаптация мигрантов; демографическое поведение; семейные стратегии; репродуктивные установки; индикаторная модель; региональная миграционная политика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Специфика региональной инфраструктуры и локальных социокультурных практик в формировании моделей демографического поведения международных мигрантов в субъектах Российской Федерации» № 25-28-02801.

Информация для цитирования: Леденева В. Ю. Региональная инфраструктура в формировании адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 185-200. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-2.

Viktoria Yu. Ledeneva **Regional infrastructure in the formation of adaptation and demographic strategies of international migrants**

Institute of Social Demography,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
vy.ledeneva@yandex.ru

Abstract. The article examines regional infrastructure as a factor in the formation of adaptation and demographic strategies of international migrants. It substantiates the need to move from analyzing migration mainly at the level of federal regulation and individual adaptation trajectories to studying the regional environment as a condition of migrants' adaptation and demographic behavior. It is shown that regional infrastructure is not only a complex of social facilities, but also a set of resources, institutions and services available to migrants in their everyday stay and interaction with the host society. The author proposes to consider regional infrastructure as a combination of housing, medical, educational, administrative-service, digital, information, transport and territorial conditions. The purpose of the article is to reveal regional infrastructure as a sociological category for analyzing adaptation and demographic strategies of international migrants and to substantiate an approach to its operationalization, as well as to develop an integral model of regional infrastructure. The proposed theoretical and methodological approach analyzes how access to housing, healthcare, education, administrative services, digital information and territorial mobility, as well as the migrant's legal status, influence family and reproductive decisions, attitudes toward settlement, integration or segregation. The conclusion is made about the need to use the infrastructural approach in developing regional mechanisms of migration policy and assessing the adaptive potential of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: international migration; regional infrastructure; adaptation of migrants; demographic behavior; family strategies; reproductive attitudes; indicator model; regional migration policy

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation within the framework of the research project "The specificity of regional infrastructure and local sociocultural practices in the formation of models of demographic behavior of international migrants in the constituent entities of the Russian Federation", No. 25-28-02801.

Information for citation: Ledeneva, V. Yu. (2026), "Regional infrastructure in the formation of adaptation and demographic strategies of international migrants", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 185-200. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-1-2.

Введение (Introduction). Современная международная миграция в России все в большей степени приобретает регионально дифференцированный характер. Миграционные потоки концентрируются в субъектах Российской Федерации с различным уровнем социально-экономического развития, неодинаковой деятельностью институтов социальной поддержки, различной доступностью жилья, образования, медицинской помощи, административных процедур и цифровых сервисов. В этих условиях поведение международных мигрантов не может быть объяснено только федеральными правилами

въезда, пребывания, трудоустройства и получения правового статуса. Существенное значение приобретает региональная среда, в которой мигрант повседневно проживает, работает, создает семью, воспитывает детей, выстраивает отношения принимающим населением.

В большинстве исследований миграционные процессы рассматриваются либо на макроуровне через анализ государственной миграционной политики, правового регулирования, рынка труда и демографической динамики, либо на микроуровне через изучение индивидуальных траекторий адаптации, мотиваций, идентичности и социальных сетей мигрантов. В последнее время появляется много исследований, посвященных региональным особенностям миграционной политики, однако, среди них не так много рассматривают региональную инфраструктуру как определяющий фактор оседлости мигрантов и включения их в социальную, экономическую и демографическую жизнь принимающего общества. В тоже время именно на региональном уровне права и обязанности мигрантов, закрепленные в федеральном законодательстве, сталкиваются с реальными условиями их реализации, а индивидуальные стратегии получают конкретное повседневное содержание.

Региональная инфраструктура – это не набор объектов социальной сферы, а система условий, через которые мигрант получает или, напротив, не получает доступ к базовым ресурсам адаптации: жилью, медицинской помощи, образованию для детей, оформлению документов, информации, цифровым сервисам и транспортной доступности. Эти условия определяют не только качество повседневной жизни, но и более долгосрочные решения: остаться в регионе или рассматривать его как временное место заработка; перевезти семью или сохранять транснациональную модель семейной жизни; рожать и воспитывать детей в России или откладывать репродуктивные планы; стремиться к интеграции или ориентироваться на закрытые мигрантские сети. Таким образом, с одной стороны, инфраструктура выступает условием социальной адаптации, с другой стороны, имеет демографическое значение, поскольку влияет на семейные и репродуктивные стратегии мигрантов.

Научная проблема заключается в недостаточной разработанности теоретико-методологических подходов, позволяющих объяснить, каким образом региональная инфраструктура влияет на адаптационные и демографические стратегии международных мигрантов. В исследовательской практике инфраструктурные условия часто фиксируются фрагментарно: отдельно анализируется доступность жилья, отдельно медицинских или образовательных услуг, отдельно административных процедур. Однако для понимания поведения мигрантов необходима интегральная модель, позволяющая рассматривать инфраструктурный профиль региона как совокупность взаимосвязанных условий, влияющих на адаптацию, семейные решения, репродуктивные установки и планы длительного проживания.

Цель статьи – раскрыть региональную инфраструктуру как социологическую категорию анализа адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов и обосновать подход к ее операционализации, разработать интегральную модель региональной инфраструктуры.

Методология и методы (Methodology and Methods). Методологическую основу статьи составляют социологический, институциональный и инфраструктурный подходы к анализу международной миграции. Также применен метод операционализации понятий, позволивший выделить основные индикаторные блоки региональной инфраструктуры: жилищный, медицинский, образовательный, административно-сервисный, цифровой и информационный, транспортно-территориальный. Эмпирическая база в данной статье не анализируется, поскольку работа имеет теоретико-методологический характер и направлена

на обоснование исследовательской модели для последующего изучения адаптационных и демографических стратегий международных мигрантов в регионах Российской Федерации.

Региональную инфраструктуру в рамках международной миграции необходимо рассматривать по нескольким теоретическим направлениям: теориям миграционного поведения, адаптации и интеграции мигрантов, социального пространства и регионального развития. Совокупность данных направлений позволяет рассматривать регион не просто как территорию проживания мигрантов, а особую социально-институциональную среду, в которой формируется адаптационное и демографическое поведение.

В классических теориях международной миграции основное внимание традиционно уделялось факторам, определяющим начало и продолжение миграционного движения. В классических источниках миграция объяснялась через закономерности пространственного перемещения населения. В последующих экономических теориях миграции акцент был сделан на различиях в заработной плате, структуре рынков труда и спросе на рабочую силу. Так, М. Пиоре в теории двойного рынка труда связывал международную миграцию с устойчивой потребностью принимающих экономик в работниках для вторичного сегмента рынка труда (Piore, 1979). Обобщая разные подходы, Д. Мэсси, Х. Аранго, Г. Хьюго, А. Куоучи, А. Пеллегрини и Дж. Тейлор показали, что теории миграции можно разделить на объясняющие начало миграции и объясняющие ее воспроизводство во времени и пространстве (Massey et al., 1993). В обзоре авторы показали, что разные миграционные теории не являются логически противоречивыми по своей сути, так как представляют разные уровни миграции, а выбор между теориями, наоборот, необходим для того, чтобы реализовать по-настоящему интегрированную теоретическую модель.

Сам факт перемещения еще не доказывает успешность проживания и трудовой деятельности мигранта. Важно понять, каким образом мигрант включается в принимающее общество после прибытия и какие условия влияют на его дальнейшие жизненные решения. В модели Дж. Берри адаптации, интеграции и аккультурации – все эти стратегии рассматриваются как изменения, возникающие в результате межкультурного контакта (Berry, 1997). Важна сама идея о том, что выбор стратегии зависит не только от установок мигранта, но и от условий принимающего общества.

Близкая по содержанию модель культурного шока и межкультурной адаптации К. Уорда, С. Бочнера и А. Фернхэма. В рамках ABC-модели адаптация описывается через три взаимосвязанных компонента: А – affective / аффективный компонент, В – behavioral / поведенческий компонент, С – cognitive / когнитивный компонент (Ward, Bochner, Furnham, 2001). Иными словами, адаптация включает эмоциональное состояние мигранта, освоение новых моделей поведения и понимание норм принимающего общества. Для анализа региональной инфраструктуры эта модель важна тем, что позволяет рассматривать инфраструктурные условия как фактор повседневного взаимодействия мигранта с институтами, услугами и местным населением.

Существенный вклад в понимание интеграции мигрантов внесли А. Агер и А. Странг, предложившие систему индикаторов интеграции (Ager, Strang, 2008). В их подходе ключевыми сферами интеграции выступают занятость, жилье, образование и здравоохранение, а также социальные связи, язык, культура, безопасность, права и гражданство.

В европейской исследовательской традиции Р. Пеннинкс и Б. Гарсес-Маскареньяс предлагают рассматривать миграционную интеграцию через многоуровневый характер управления как результат общего взаимодействия мигрантов, региональных институтов, органов власти, работодателей и других субъектов миграционных отношений (Penninx, Garcés-Mascreñas, 2016).

Принципиально значимым трудом отметим работу М. Чжоу о сегментированной ассимиляции. В отличие от линейных моделей ассимиляции, предполагающих постепенное включение мигрантов в принимающее общество, теория сегментированной ассимиляции показывает, что траектории включения могут быть различными: восходящая интеграция, сохранение этнических ресурсов при успешной адаптации, либо нисходящая мобильность и закрепление в маргинализированных сегментах общества. Проще говоря, мигранты могут включаться как в формальные институты принимающего общества, так и в закрытые этнические или религиозные сети (Zhou, 1997).

Вместе с тем многие зарубежные теории интеграции изначально разрабатывались на материале стран с устойчивыми иммиграционными режимами и развитой системой муниципальной интеграционной политики. Для России характерны свои особенности миграционного регулирования, а региональные формы адаптации мигрантов могут сильно различаться, поскольку на миграционную ситуацию в конкретном регионе влияет неоднородность условий жизни, занятости, получения услуг и повседневного взаимодействия мигрантов с принимающим населением.

В современной научной литературе категории «адаптация» и «интеграция» нередко используются как близкие или взаимозаменяемые, однако их содержательное различие необходимо как для теоретического анализа, так и для разработки управленческих решений в сфере миграционной политики. В. Ю. Леденева и Л. А. Кононов, подчеркивая теоретико-методологическую неопределенность понятий адаптации и интеграции международных мигрантов и ее влияние на формирование миграционной политики, отмечали, что региональная инфраструктура может обеспечивать первичную адаптацию мигранта – доступ к информации, услугам, документам, жилью, медицине, образованию, тогда как полноценная интеграция предполагает более глубокое включение в социальные связи, институты и нормы принимающего общества (Кононов, Леденева, 2021).

Сходную позицию занимает А. А. Илимбетова, рассматривая условия, цели и подходы к адаптации и интеграции мигрантов и обращая внимание на необходимость разграничения этих процессов как взаимосвязанных, но не тождественных (Илимбетова, 2021).

В контексте государственного и муниципального регулирования процессы адаптации и интеграции мигрантов рассматриваются в работах автора данной статьи. В этом отношении региональная инфраструктура может быть понята как практический уровень реализации миграционной политики (Леденева, 2021).

В работах В. И. Мукомеля и К. С. Григорьевой акцент сделан на вызовах, реалиях и индикаторах адаптации и интеграции мигрантов в России, что позволяет перейти от общего описания миграционной ситуации к измерению условий и результатов включения мигрантов в принимающее общество (Мукомель, Григорьева, 2022).

Отдельное значение имеют исследования об образовательной инфраструктуре как базовом индикаторе адаптационного потенциала региона и одним из ключевых каналов межпоколенческой адаптации мигрантов и формирования долгосрочных семейных стратегий.

Д. А. Александров и его коллеги одними из первых провели крупное исследование детей мигрантов в российских школах, где показали, что распределение детей мигрантов по школам определяется не только этническим происхождением, но и социальным положением семьи, а также характеристиками образовательной среды (Александров, 2012). Н. С. Путулян и В. Г. Закирова рассматривают адаптацию детей мигрантов в российской школе через экспертную диагностику адаптационных трудностей (Путулян, Закирова, 2021). Е. А. Железнякова анализирует языковую адаптацию детей из семей мигрантов через социально-интеграционные условия (Железнякова, 2023). Т. Н. Юдина рассматривает

барьеры адаптации подростков с миграционной историей, ожидания родителей от системы поддержки в московской агломерации (Юдина, 2025).

В отечественных исследованиях региональная специфика адаптации мигрантов, имеющая локальное измерение, раскрывается на материалах Нижегородской области, Красноярского края, Рязанской и Калужской областей, Москвы и Московской области, Республики Тыва и других субъектов РФ; при этом демографическое поведение мигрантов чаще анализируется на материалах Московской агломерации, Санкт-Петербурга и исследований мигрантских семей из стран Центральной Азии (Савоскул, 2012; Лакомова, 2016; Труфанов и др., 2024; Сарыглар, 2021; Осадчая и др., 2023; Омельченко, 2021; Бредникова, Сабирова, 2015).

Анализ теоретических подходов позволил выделить несколько важных положений:

- во-первых, миграция не завершается фактом въезда в страну или регион; она продолжается в виде адаптации, социального включения и выработки дальнейших жизненных стратегий;
- во-вторых, адаптация зависит не только от индивидуальных возможностей мигранта, но и от условий принимающей среды;
- в-третьих, интеграция имеет многоуровневый характер и связана с доступом к институтам, услугам, правам, социальным связям и возможностям участия в жизни принимающего общества;
- в-четвертых, демографическое поведение мигрантов формируется не изолированно, а в связи с условиями проживания, семейного устройства, воспитания детей и планирования будущего.

Таким образом, в современных российских исследованиях все более отчетливо проявляется переход к изучению адаптации и интеграции как многоуровневых процессов, зависящих от институтов, региональной среды, образовательной системы, локальных практик, информационной доступности и управленческих механизмов. Однако категория региональной инфраструктуры пока не получила достаточной самостоятельной концептуализации. Чаще всего отдельные элементы инфраструктуры – жилье, школа, медицина, документы, информация – рассматриваются фрагментарно. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы объединить эти элементы в единую социологическую категорию и показать, каким образом региональная инфраструктура влияет на адаптационные и демографические стратегии международных мигрантов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Региональная инфраструктура как фактор адаптационных стратегий международных мигрантов.* В рамках настоящего исследования *региональная инфраструктура* понимается как совокупность жилищных, медицинских, образовательных, социальных, административно-сервисных, цифровых и транспортно-территориальных условий региона, которые определяют возможности адаптации международных мигрантов, ведения семейной жизни, рождения и воспитания детей, получения услуг, оформления правового статуса и формирования установок на длительное проживание.

Для анализа адаптационных и демографических стратегий мигрантов имеет значение не только наличие учреждений и сервисов, но и их реальная доступность для конкретных групп мигрантов. Например, наличие поликлиники не означает фактической доступности медицинской помощи. Наличие школы не гарантирует включение детей мигрантов в образовательную среду. Наличие цифрового сервиса не означает его использования мигрантом. Даже при наличии мотивации мигрантов к легальному пребыванию, занятости и включению в принимающую среду эти установки реализуются только при фактическом доступе к институтам и сервисам региона. Поэтому важно различать формальную и фактическую доступность инфраструктуры, т.е. реальную возможность мигранта ею

пользоваться с учетом правового статуса, регистрации, языка, стоимости, информации, расстояния и опыта взаимодействия и т.д.

Важный вывод заключается в прикладном характере региональной инфраструктуры: если инфраструктура влияет на адаптацию и демографическое поведение мигрантов, то она может и должна рассматриваться как управляемый фактор миграционно-демографической устойчивости региона. Органы власти и местные институты не могут напрямую управлять семейными и репродуктивными решениями мигрантов, но они могут влиять на условия, в которых эти решения принимаются: доступность жилья, медицинской помощи, образования, административных процедур, информации, цифровых сервисов и транспорта.

Региональная инфраструктура выступает связующим звеном между адаптацией и демографическим поведением. На уровне демографического поведения она влияет на решения о браке, воссоединении семьи, рождении детей, воспитании детей в данном регионе, длительности проживания и получении более устойчивого правового статуса. Следовательно, инфраструктурный профиль региона может рассматриваться как фактор формирования различных моделей миграционного поведения: временной трудовой миграции, семейной миграции, оседлой стратегии, транснациональной семейной, интеграционной или сегрегационной.

Для операционализации региональной инфраструктуры от общего понятия «условия региона» необходимо перейти к более точным характеристикам, влияющим на адаптационные и демографические стратегии мигрантов. В соответствии с логикой исследования выделим шесть блоков, которые могут быть использованы как основа для построения частных индексов и последующего интегрального индекса инфраструктурной пригодности региона для мигранта:

- жилищную инфраструктуру;
- медицинскую инфраструктуру;
- образовательную инфраструктуру;
- административно-сервисную инфраструктуру;
- цифровую и информационную инфраструктуру;
- транспортную и территориальную доступность услуг.

Жилищная инфраструктура определяет возможность устойчивого проживания в регионе и является основным условием семейной миграции, поскольку именно жилье создает предпосылки для перевоза семьи, устройства детей, формирования установок на длительное проживание.

Медицинская инфраструктура связана не только с общим качеством жизни, возможностью поддержания здоровья и обращения за помощью, но и с репродуктивными решениями, безопасностью беременности, родов и заботой о детях.

Образовательная инфраструктура влияет на решение о воспитании детей в принимающем регионе и на перспективы межпоколенческой интеграции. Через школу, детский сад, кружки и дополнительные образовательные возможности происходит включение семьи мигранта в локальную социальную среду. Образовательные организации становятся пространством контакта с принимающим обществом, освоения языка и норм поведения.

Административно-сервисная инфраструктура определяет возможность легализации, оформления документов и получения государственных услуг. Если взаимодействие с государственными и муниципальными сервисами воспринимаются как непонятные, сложные и затратные, мигрант обращается к посредникам и неформальным или этническим каналам помощи.

Цифровая и информационная инфраструктура влияет на способность мигранта ориентироваться в правилах и процедурах региона. Цифровая инфраструктура – это не

только наличие интернета или мобильной связи. Важно учитывать, умеет ли мигрант пользоваться цифровыми сервисами, понимает ли язык интерфейсов, доверяет ли официальным каналам информации.

Транспортная и территориальная доступность фактически решает возможность пользоваться всеми перечисленными ресурсами и связывает их в единую систему. Даже при наличии медицинских, образовательных или административных учреждений их адаптационный эффект снижается, если мигрант фактически не может до них добраться из-за удаленности, стоимости дороги, неудобного расписания транспорта или других причин.

Следовательно, региональная инфраструктура влияет на адаптационные стратегии мигрантов не напрямую, а через систему доступов и барьеров. Она может обеспечивать мигранту понятные и доступные каналы взаимодействия с институтами принимающего общества, ориентировать на легальное пребывание, но, при труднодоступной инфраструктуре, наоборот, формирует альтернативные и чаще всего неформальные стратегии выживания. В таком случае возрастает роль мигрантских сетей, которые и компенсируют слабость формальной инфраструктуры. Родственники, знакомые, земляки и посредники помогают найти жилье, работу, врача, школу, способ оформления документов. И надо отметить, что вопросы эти решаются достаточно быстро и понятно. Фактически неформальные сети становятся главным и почти единственным каналом адаптации, а мигранты все больше взаимодействуют со своим собственным сообществом в этих параллельных практиках. Учитывая такой путь адаптации мигрантов, региональную инфраструктуру мы рассматриваем как элемент управления миграционными процессами в регионе и часть социальной технологии адаптации.

Для дальнейшего анализа мы предлагаем различать несколько типов адаптационных стратегий, связанных с инфраструктурной средой региона.

Первый тип – институционально ориентированная адаптация. Она формируется в ситуации, когда мигрант имеет доступ к официальным каналам получения информации, документов, медицинских, образовательных и социальных услуг.

Второй тип – сетевая адаптация. Она основана преимущественно на помощи родственников, земляков, знакомых, работодателей и посредников.

Третий тип – зависимая адаптация. Она возникает в ситуации, когда доступ к жилью, работе, документам или информации контролируется работодателем, посредником или узким кругом социальных связей.

Четвертый тип – барьерная или фрагментарная адаптация. Она характерна для ситуаций, когда мигрант сталкивается с множественными инфраструктурными ограничениями: трудностями оформления документов, недоступностью жилья, медицины, образования, информации, транспорта.

Предложенная типология носит аналитический характер и позволяет связать инфраструктурные условия региона с различными вариантами поведения мигрантов. При этом один и тот же мигрант может сочетать несколько стратегий: например, пользоваться официальными административными сервисами, но искать жилье через земляков; устраивать детей в школу через формальные процедуры, но получать информацию о медицине через неформальные каналы. Поэтому речь идет не о жестких типах адаптации мигрантов, а о преобладающих способах в конкретной региональной среде.

Региональная инфраструктура как фактор демографических стратегий международных мигрантов. Под демографическими стратегиями международных мигрантов мы будем понимать устойчивые ориентации и практики, связанные с браком, семейным воссоединением, рождением и воспитанием детей, длительностью проживания в принимающем регионе, получением более устойчивого правового статуса и выбором между временной, маятниковой, транснациональной или оседлой моделью жизни.

Демографические стратегии связаны с более долгосрочными планами мигрантов: рассматривает ли мигрант принимающий регион только как место заработка или как пространство семейной жизни и будущего детей.

В этом смысле инфраструктура региона выступает условием перехода от индивидуальной трудовой миграции к семейной и оседлой модели.

Наряду с адаптационными стратегиями можно выделить несколько демографических стратегий мигрантов, чувствительных к состоянию региональной инфраструктуры.

Первый тип – временная трудовая стратегия, при которой регион воспринимается преимущественно как место заработка, а семья, дети и основные жизненные планы остаются связанными со страной происхождения.

Второй тип – транснациональная семейная стратегия, при которой мигрант поддерживает семью на расстоянии, регулярно перемещается между страной происхождения и принимающим регионом, но не всегда рассматривает регион как место постоянной семейной жизни.

Третий тип – стратегия семейного воссоединения, предполагающая перевоз супруга, детей или других членов семьи в принимающий регион при наличии минимально достаточных жилищных, образовательных, медицинских и правовых условий.

Четвертый тип – оседлая демографическая стратегия, при которой мигрант связывает с регионом длительное проживание, рождение и воспитание детей, получение устойчивого правового статуса и включение семьи в местные институты.

Пятый тип – сегрегированная семейная стратегия, при которой семья мигранта физически присутствует в регионе, но основные практики повседневной жизни, воспитания детей, поиска помощи и социального взаимодействия замкнуты преимущественно внутри этнических, земляческих или религиозных сетей.

Таким образом, региональная инфраструктура выступает фактором не только адаптационных, но и демографических стратегий международных мигрантов. Через доступность жилья, медицины, образования, административных услуг, цифровой информации и территориальной мобильности регион влияет на то, будет ли мигрант рассматривать его как временное место заработка или как пространство семейной жизни, рождения и воспитания детей, длительного проживания и интеграции. Именно поэтому инфраструктурный анализ позволяет связать повседневные условия адаптации с более долгосрочными демографическими решениями мигрантов.

Операционализация региональной инфраструктуры: ключевые измерения и индикаторные блоки. В перспективе понятие региональной инфраструктуры мы планируем перевести из теоретической категории в исследовательский инструмент для эмпирического изучения адаптационных и демографических стратегий мигрантов. Для этого в данной статье предложена разработанная автором система измеряемых критериев, индикаторов и переменных.

Для сохранения аналитической точности методологически важно разграничивать инфраструктурные и социокультурные факторы, а также отделять их от субъективных оценок и локальных практик. К инфраструктурным (объективным) факторам относятся те условия, которые обеспечивают доступ мигранта к базовым ресурсам жизни в регионе. Локальные социокультурные практики (субъективные) характеризуют отношение принимающего населения, мигрантские сети, этноконфессиональную среду и нормы взаимодействия с мигрантами и должны рассматриваться как связанный, но самостоятельный блок факторов.

В предлагаемой модели инфраструктурные блоки выступают независимыми переменными, характеризующими региональные условия. Их задача – объяснить, каким образом доступность или ограниченность инфраструктуры связана с зависимыми

переменными: планами перевезти семью, готовностью жить в регионе длительное время, желанием получить более устойчивый правовой статус, планами рождения детей, готовностью рожать детей в России, оценкой региона как места для семейной жизни. Таким образом, цепочка анализа выглядит следующим образом: *инфраструктура региона → адаптация мигрантов → семейные и репродуктивные установки → оседлость и интеграция в регионе*.

Для последующего эмпирического анализа каждый инфраструктурный блок можно рассматривать через совокупность показателей, критериев и индексов. При этом важны три типа показателей:

- во-первых, показатели доступности инфраструктуры;
- во-вторых, показатели барьеров;
- в-третьих, показатели значимости условий для адаптационных и демографических установок мигранта.

Жилищная инфраструктура характеризует возможность устойчивого проживания в регионе. В качестве критериев могут использоваться форма проживания, доступность аренды жилья, пригодность для семьи и др.

Медицинская инфраструктура включает доступность медицинской помощи для взрослых, детей, а также помощи при беременности и родах. Критерии оценки учитывают как наличие медицинских учреждений, так и опыт отказа от обращения в медицинские учреждения из-за стоимости документов, расстояния, языка или иных барьеров.

Образовательная инфраструктура отражает доступность детских садов, школ, кружков, секций и дополнительных образовательных возможностей. Ее критериями могут быть возможность устройства детей, наличие трудностей при поступлении в образовательные организации (например, тестирование на знание русского языка) и др.

Административно-сервисная инфраструктура связана с возможностью оформления документов, получения государственных и муниципальных услуг, взаимодействия с МФЦ и иными сервисами сопровождения. Критериями здесь выступают доступность оформления документов, понятность процедур, опыт обращения за помощью, зависимость от посредников.

Цифровая и информационная инфраструктура включает доступность мобильной связи, интернета, цифровых сервисов и достоверной информации о документах, работе, медицине, образовании и правилах проживания.

Транспортная и территориальная доступность услуг характеризует возможность фактического использования инфраструктуры. Даже при наличии медицинских, образовательных или административных учреждений их адаптационный эффект снижается, если они территориально удалены, дороги или неудобны для посещения.

Для унификации данных может быть использована единая шкала доступности: 1 – совсем недоступно; 2 – скорее недоступно; 3 – и да, и нет; 4 – скорее доступно; 5 – полностью доступно; 9 – не применимо / нет опыта пользования. Такой формат позволяет рассчитывать средние значения по каждому инфраструктурному блоку и сравнивать регионы между собой.

Барьеры целесообразно кодировать как бинарные переменные: 0 – барьер не выбран; 1 – барьер выбран. Например, отдельно могут фиксироваться барьеры, связанные с документами, стоимостью, расстоянием, языком, отношением сотрудников, недостатком информации или цифровых навыков. Это особенно важно для межрегионального сравнения, т.к. регионы могут различаться структурой препятствий для мигрантов.

На основе отдельных переменных могут быть построены частные индексы: индекс жилищной устойчивости, индекс медицинской доступности, индекс образовательной

доступности, индекс административной доступности, индекс цифровой доступности, индекс территориальной доступности.

В аналитическом виде индикаторная модель региональной инфраструктуры представлена в Таблице.

Таблица

Индикаторная модель региональной инфраструктуры

Table

Indicator model of regional infrastructure

Индикаторный блок / Indicator block	Основные критерии / Main criteria	Возможные переменные / Possible variables	Возможный индекс / Possible index
Жилищная инфраструктура Housing infrastructure	Доступность и устойчивость проживания / Accessibility and stability of residence	тип жилья; форма проживания; доступность жилья; наличие жилищных барьеров; пригодность жилья для семьи; влияние жилья на планы остаться и родить детей / type of housing; form of residence; housing accessibility; presence of housing barriers; suitability of housing for family life; influence of housing on plans to stay and have children	Индекс жилищной устойчивости; индекс жилищной доступности / Housing stability index; housing accessibility index
Медицинская инфраструктура Healthcare infrastructure	Доступность медицинской помощи для взрослых, детей, беременности и родов / Accessibility of healthcare for adults, children, pregnancy and childbirth	доступность взрослой медицины; доступность детской медицины; доступность помощи при беременности и родах; отказ от обращения из-за барьеров; влияние медицины на репродуктивные планы / accessibility of adult healthcare; accessibility of pediatric healthcare; accessibility of pregnancy and childbirth care; refusal to seek medical care due to barriers; influence of healthcare on reproductive plans	Индекс медицинской доступности; индекс медицинских барьеров / Healthcare accessibility index; medical barriers index

Индикаторный блок / Indicator block	Основные критерии / Main criteria	Возможные переменные / Possible variables	Возможный индекс / Possible index
Образовательная инфраструктура Educational infrastructure	Доступность образования и социализации детей / Accessibility of education and children's socialization	доступность детского сада; доступность школы; доступность кружков и секций; трудности устройства детей; оценка региона как места воспитания детей / accessibility of kindergarten; accessibility of school; accessibility of clubs and extracurricular activities; difficulties in enrolling children; assessment of the region as a place for raising children	Индекс образовательной доступности; индекс семейно-образовательной пригодности региона / Educational accessibility index; family and educational suitability index of the region
Административно-сервисная инфраструктура Administrative and service infrastructure	Доступность документов и государственных услуг / Accessibility of documents and public services	доступность оформления документов; доступность госуслуг; понятность процедур; наличие административных барьеров; зависимость от посредников / accessibility of document processing; accessibility of public services; clarity of procedures; presence of administrative barriers; dependence on intermediaries	Индекс административной доступности; индекс административных барьеров / Administrative accessibility index; administrative barriers index
Цифровая информационная инфраструктура Digital information infrastructure	Доступность связи, интернета, цифровых сервисов и информации / Accessibility of communication, the Internet, digital services and information	доступность мобильной связи; доступность интернета; достаточность информации; источники информации; доступность цифровых сервисов / accessibility of mobile communication; accessibility of the Internet; sufficiency of information; sources of information; accessibility of digital services	Индекс цифровой доступности; индекс информационной обеспеченности / Digital accessibility index; information provision index

Индикаторный блок / Indicator block	Основные критерии / Main criteria	Возможные переменные / Possible variables	Возможный индекс / Possible index
Транспортная и территориальная доступность / Transport and territorial accessibility	Возможность добраться до ключевых услуг / Ability to reach key services	время доезда до работы, поликлиники, школы, детского сада, МФЦ; удобство транспорта; пространственные барьеры / travel time to work, clinic, school, kindergarten, multifunctional public services center; convenience of transport; spatial barriers	Индекс территориальной доступности; индекс транспортных барьеров / Territorial accessibility index; transport barriers index

Предложенная индикаторная модель позволяет рассматривать региональную инфраструктуру как совокупность измеряемых условий и сопоставлять регионы по блокам, а также связывать инфраструктуру с адаптационными и демографическими стратегиями мигрантов, что создает основу для последующего эмпирического межрегионального сравнения субъектов Российской Федерации.

Заключение (Conclusions). Проведенный анализ позволяет рассматривать региональную инфраструктуру как значимую социологическую категорию исследования международной миграции. Региональная инфраструктура выступает системой условий, через которые мигрант получает доступ к жилью, медицинской помощи, образованию, административным услугам, цифровой информации, транспортной мобильности и другим ресурсам повседневной жизни.

В статье показано, что инфраструктурные условия региона оказывают влияние на адаптационные и демографические стратегии международных мигрантов. Поэтому регион может восприниматься мигрантом либо как временное место заработка, либо как территория для семейной жизни и будущего детей.

Предложенная индикаторная модель региональной инфраструктуры включает шесть основных блоков: жилищную, медицинскую, образовательную, административно-сервисную, цифровую и информационную инфраструктуру, а также транспортную и территориальную доступность услуг. Такая структура позволяет рассматривать адаптацию мигрантов как результат управления миграцией в регионе, поскольку органы власти, не имея возможности напрямую влиять на семейные и репродуктивные решения мигрантов, способны влиять на среду, в которой эти решения принимаются. Таким образом, концептуализация и операционализация региональной инфраструктуры открывают возможности для более точного анализа миграционно-демографических процессов. Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическая апробация предложенной модели на материалах различных субъектов Российской Федерации, выявление региональных типов инфраструктурной обеспеченности и их связи с адаптационными и демографическими стратегиями международных мигрантов.

Список литературы

Александров Д. А., Иванюшина В. А., Казарцева Е. В. Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176-199. DOI: 10.17323/1814-9545-2012-1-176-199. EDN: OXIMQV.

- Бредникова О. Е., Сабирова Г. А. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127-152. EDN: UZNOJN.
- Железнякова Е. А. Языковая адаптация детей из семей мигрантов в российской школе // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 3 (149). С. 109-116. DOI: 10.25730/VSU.7606.23.041. EDN: GDXIME.
- Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 144-155. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155. EDN: TSSPGZ.
- Кононов Л. А., Леденева В. Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 103-112. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112. EDN: BDHOAF.
- Лакомова А. А. Социальная адаптация мигрантов в Нижегородской области: проблемы и способы решения // Наука. Мысль. 2016. № 6-2. С. 119-124. EDN: WADNYH.
- Леденева В. Ю., Кононов Л. А. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России. М.: РУДН, 2021. 296 с. ISBN: 978-5-209-10212-0. EDN: XSUKPP.
- Мукомель В. И., Григорьева К. С. (ред.). Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. ISBN: 978-5-89697-407-9. EDN: YKKOSI.
- Омельченко Е. А. Дети из семей мигрантов в Рязанской и Калужской областях: проблемы интеграции в российское общество // Вестник Чувашского университета. 2021. № 2. С. 142-157. DOI: 10.47026/1810-1909-2021-2-142-157. EDN: IYAHVE.
- Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А. Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской агломерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 78-91. DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.5. EDN: OFLPIM.
- Путулян Н. С., Закирова В. Г. Адаптация детей мигрантов в российской школе: опыт применения метода экспертных оценок в диагностике адаптации // Казанский педагогический журнал. 2021. № 3 (146). С. 165-172. DOI: 10.51379/kpj.2021.147.3.023. EDN: JHCPVO.
- Савоскул М. С. Адаптация этнических мигрантов в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2012. № 2. С. 59-64. EDN: PAOSXT.
- Сарыглар С. А. Образ мигранта в представлениях населения приграничного региона // Society and Security Insights. 2021. Т. 4, № 2. С. 136-152. DOI: 10.14258/ssi(2021)2-03. EDN: YQKJZZ.
- Труфанов Д. О., Васильева О. В., Рафиков Р. Г. Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе: на материалах социологических исследований в Красноярском крае // Россия и современный мир. 2024. № 3. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.02. EDN: HIUSGA.
- Юдина Т. Н. Адаптация подростков с миграционной историей сквозь призму родительского восприятия: ключевые барьеры и ожидания от системы поддержки // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 3. С. 39-64. DOI: 10.14258/SSI(2025)3-02. EDN: KUKARS.
- Ager A., Strang A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21, № 2. Pp. 166-191. DOI: 10.1093/jrs/fen016.
- Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46, № 1. Pp. 5-68. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
- Massey Douglas S. et al. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, № 3. Pp. 431-66. JSTOR. DOI: 10.2307/2938462.
- Penninx R., & Garcés-Mascreñas B. The concept of integration as an analytical tool and as a policy concept. 2016. DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4_2.
- Piore M. J. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 229 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572210.
- Ward C., Bochner S., Furnham A. The Psychology of Culture Shock. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2001.
- Zhou M. Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation // The International Migration Review. 1997. № 31 (4). Pp. 975-1008. DOI: 10.2307/2547421. EDN: GWSNBj.

References

- Aleksandrov, D. A., Ivanyushina, V. A. and Kazartseva, E. V. (2012), "Migrant children and parents in interaction with the Russian school", *Voprosy obrazovaniya*, (1), 176-199, DOI: 10.17323/1814-9545-2012-1-176-199, EDN: OXIMQV. (In Russian)
- Brednikova, O. E. and Sabirova, G. A. (2015), "Children in migrant families: parental strategies in transnational contexts", *Antropologicheskoy forum*, (26), 127-152, EDN: UZNOJN. (In Russian)
- Zheleznyakova, E. A. (2023), "Language adaptation of children from migrant families in Russian school", *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (149), 109-116, DOI: 10.25730/VSU.7606.23.041, EDN: GDXIMF. (In Russian)
- Ilimbetova, A. A. (2021), "Adaptation and integration of migrants: conditions, goals, approaches", *Vestnik Instituta ekonomiki Rossyskoy akademii nauk*, (2), 144-155, DOI: 10.52180/2073-6487_2021_2_144_155, EDN: TSSPGZ. (In Russian)
- Kononov, L. A. and Ledeneva, V. Yu. (2021), "Adaptation and integration of international migrants: theoretical and methodological problems", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65 (4), 103-112, DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-103-112, EDN: BDHOAF. (In Russian)
- Lakomova, A. A. (2016), "Social adaptation of migrants in the Nizhny Novgorod region: problems and ways of solution", *Nauka. Mysl*, (6-2), 119-124, EDN: WADNYH. (In Russian)
- Ledeneva, V. Yu. and Kononov, L. A. (2021), *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe regulirovanie protsessov adaptatsii i integratsii migrantov v sovremennoy Rossii* [State and municipal regulation of adaptation and integration of migrants in contemporary Russia], RUDN University, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-209-10212-0. EDN: XSUKPP. (In Russian)
- Mukomel, V. I. and Grigorieva, K. S. (eds.) (2022), *Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory* [Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators], FCTAS RAS, Moscow, Russia, DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022, ISBN: 978-5-89697-407-9, EDN: YKKOSI. (In Russian)
- Omelchenko, E. A. (2021), "Children from migrant families in the Ryazan and Kaluga regions: problems of integration into Russian society", *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, (2), 142-157, DOI: 10.47026/1810-1909-2021-2-142-157, EDN: IYAHVE. (In Russian)
- Osadchaya, G. I., Yudina, T. N. and Kocherbaeva, A. A. (2023), "Reproductive behavior of migrants from Central Asia in the Moscow agglomeration", *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 3 (4), 78-91, DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.5, EDN: OFLPIM. (In Russian)
- Putulyan, N. S. and Zakirova, V. G. (2021), "Adaptation of migrant children in Russian school: experience of applying expert assessment method in diagnosing adaptation", *Kazansky pedagogichesky zhurnal*, 3 (146), 165-172, DOI: 10.51379/kpj.2021.147.3.023, EDN: JHCPVO. (In Russian)
- Savoskul, M. S. (2012), "Adaptation of ethnic migrants in Russian regions", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, (2), 59-64, EDN: PAOSXT. (In Russian)
- Saryglar, S. A. (2021), "The image of a migrant in the perceptions of the population of a border region", *Society and Security Insights*, 4 (2), 136-152, DOI: 10.14258/ssi(2021)2-03, EDN: YQKJZZ. (In Russian)
- Trufanov, D. O., Vasilieva, O. V. and Rafikov, R. G. (2024), "Factors of adaptation of foreign labor migrants in a Russian region: based on sociological studies in Krasnoyarsk Krai", *Rossiya i sovremenniy mir*, (3), DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.02, EDN: HIUSGA. (In Russian)
- Yudina, T. N. (2025), "Adaptation of adolescents with a migration history through the prism of parental perception: key barriers and expectations from the support system", *Society and Security Insights*, 8 (3), 39-64, DOI: 10.14258/SSI(2025)3-02, EDN: KUKARS. (In Russian)
- Ager, A. and Strang, A. (2008), "Understanding Integration: A Conceptual Framework", *Journal of Refugee Studies*, 21 (2), 166-191, DOI: 10.1093/jrs/fen016.
- Berry, J. W. (1997), "Immigration, acculturation, and adaptation", *Applied Psychology: An International Review*, 46 (1), 5-68, DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
- Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A. and Taylor, J. E. (1993), "Theories of International Migration: A Review and Appraisal", *Population and Development Review*, 19 (3), 431-466, DOI: 10.2307/2938462.

Penninx, R. and Garcés-Mascareñas, B. (2016), "The concept of integration as an analytical tool and as a policy concept", *Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors*, Springer Open, Cham, 11-29, DOI: 10.1007/978-3-319-21674-4_2.

Piore, M. J. (1979), *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, DOI: 10.1017/CBO9780511572210.

Ward, C., Bochner, S. and Furnham, A. (2001), *The Psychology of Culture Shock*, 2nd ed., Routledge, London and New York.

Zhou, M. (1997), "Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation", *The International Migration Review*, 31 (4), 975-1008, DOI: 10.2307/2547421, EDN: GWSNBK.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2026 г. Поступила после доработки 16 августа 2026 г. Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 30 April 2026. Revised 16 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Viktoria Yu. Ledeneva, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute of Social Demography, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.